

светительской деятельности Петра, д'Аржан отмечает плодотворность его политики в привлечении иностранцев, которые помогают развитию наук и искусств (LCh, II; 286). Китаец Тьяо отводит огромную роль Петру в преобразовании нравов москитов, которые упорно сопротивлялись его новшествам, в частности приказу брить бороды. Для достижения успеха своей цивилизаторской миссии Петру пришлось использовать всю полноту абсолютной власти и прибегать к суровым наказаниям (LCh, II, 64—65).

К вопросам морали д'Аржан подходит с позиций биологической (соответствие морали природе человека), социальной (ее зависимость от общественного устройства) и географической (связь с климатом, ландшафтом и другими природными условиями). Убеденный в том, что моральные нормы должны соответствовать естественной человеческой натуре, маркиз д'Аржан утверждает социальную природу нравственности. Изучение нравов различных народов, с его точки зрения, поучительно и полезно, ибо характер народа, обычаи страны и ее законы тесно связаны. Тиранические законы способствуют варварству нравов. До правления Петра несчастные крестьяне Московии терпеливо сносили выпадающие на их долю муки и проклинали своих господ по сотне раз на дню (LC, V, 301). Д'Аржану ясно, что причина униженного положения женщины заключена не в законах природы, но в несправедливости, царящей в обществе. Для доказательства важной функции женщин, уготованной им в жизни государства, он говорит об «опыте» русской истории, «который доказывает благотворную роль женщины, ибо самые великие люди бывали бесконечно обязаны своим женам». Это история из жизни царя Петра Алексеевича, которого спасла от смертельной опасности — пленения турками — его последняя жена, рожденная в низком сословии, но отличавшаяся величием мужества и умом, чем превосходила многих знаменитых героев (LC, VI, 120)⁵

Падение нравов д'Аржан связывает не только с деспотизмом власти, но и с фанатизмом церкви. В своих философско-религиозных воззрениях он был убежденным деистом и расценивал религиозное чувство как естественное (LJ, I, 268—269; III, 16), исходя из философии сенсуализма: эта потребность человеческого сердца (LC, II, 51—80). Религию он рассматривает как историческую категорию: она меняется с развитием общества (LJ, III, 297—301). Глядя

⁵ Об этом же можно прочесть в сочинении Вольтера «История Карла XII» (1731) (см: *Voltaire. Histoire de Charles XII roi de Suède*. Paris, 1889, P. 250—253; см. также: *Perry J. Etat présent de la Grande-Russie, contenant une Relation de ce que S. M. czarienne a fait de plus remarquable dans ses Etats, et une Description de la Religion, des moeurs etc. tant Russiens, que des Tartares, et autres peuples voisins / Traduit de l'anglais [par Hygony]. La Haye, 1717*).